

Мастер первой женской фазы

В кабинете директора остались только Ян Цзымэй и Фуджики.

Фуджики коснулся его щеки, и глаза, спрятанные за черными рамками, любопытным взглядом посмотрели на Ян Цзымэя.

Ян Цзымэй поднял бровь и поприветствовал ее.

Фуджики слегка избегала своего взгляда и протянула руку помощи: "Мы, в Великой Японии, всегда были воинственными и справедливыми, поэтому я не буду беспокоиться о вас за то, что вы сбили наше сумо, но я прошу вас вернуть то, что взяли с собой пентаграммный орнамент".

"Тем не менее, но вы должны объяснить мне, откуда взялись эти два орнамента, иначе не будет никакой отдачи."

Ян Цзымэй некоторое время изучал эту пятиконечную звезду в своей руке, не найдя причины, по которой она могла заставить его отбросить Инь и Фури Ци, и не наложил на нее заклятие, завязанное узлом.

Самое главное, что Садако, у которой никогда не было желания просить о чем-либо, на самом деле взяла на себя инициативу, чтобы попросить ее об этом на этот раз, и после того, как она была одета, казалось, что она претерпела некоторые замечательные изменения.

В связи с этим ей было любопытно, откуда взялся этот пятиконечный орнамент.

"Это была просто защитная вещь, подаренная им нашим Государственным Мастером, не что-то драгоценное, но драгоценное для них."

Фуджики сказал терпеливо.

Так как эта маленькая девочка перед ним смогла побить этих трех великих борцов сумо своей страны и только сейчас необъяснимым образом позволила Ли Шену ударить его по лицу, это должно быть необычно.

Как таковой, он не осмеливался недооценивать ее и сохранял определенную осторожность по отношению к ней.

"О? И всё?"

Ян Цзымэй был немного разочарован и продолжал спрашивать у корня вопроса: "Хозяин государства вашей страны, хорошо ли он владеет техникой инь и янь? Сколько ему лет? Зачем он послал этим двум борцам сумо такие украшения?"

"Простите, но, пожалуйста, простите меня за то, что я не смогла ответить на эти вопросы за вас". Потому что я тоже никогда не встречал нашего великого государственного мастера."

Фуджики сказал.

"Те два украшения, которые я уже сделал для другого использования, я не могу вернуть их тебе, как насчет этого, я компенсирую тебе потерю, сколько ты хочешь, просто скажи".

Ян Цзымэй увидел, что отношение Фудзиму к ней изменилось к лучшему, и ее тон, естественно, смягчился больше.

Если ты уважаешь меня за ногу, я верну тебе ногу.

Если ты будешь плохо со мной обращаться, я отомщу.

Это всегда было ее отношение к людям.

Кроме того, Фуджики была японским послом в Китае, поэтому она должна была смотреть на лицо Будды, даже если она не смотрела на лицо монаха, и она не хотела создавать никаких проблем в дипломатии двух из-за ее сиюминутного гнева.

В таком случае, она не могла себе этого позволить.

Сражаясь с одним человеком, она не боялась этого.

Однако в этом мире не было никого, кто мог бы бороться с государственной машиной.

Лицо Фуджики немного изменилось, когда он покачал головой: "Как я уже говорил, эти два предмета, которые для них очень дороги, не являются тем, что можно купить за деньги".

Он указал на табличку из красного дерева на шее Ян Цзымэй: "Я верю, что табличка из красного дерева на шее госпожи тоже самая ценная для тебя, если я схвачу ее и дам тебе денег, ты будешь готов это сделать".

Ян Цзымэй протянул руку и коснулся таблички из красного дерева.

В самом деле, даже если бы все деньги и драгоценности в мире были собраны перед ней, она все равно не захотела бы обменять жетон из красного дерева.

"Госпожа, у вас есть старая китайская поговорка: "Делайте с другими так, как вы хотите, чтобы они делали с вами, вы даже не хотите, чтобы другие использовали деньги, чтобы забрать то, что вам дорого, наш сумо-сан ничем не отличается, пожалуйста, будьте тактичны".

Верный своему имени, Фуджимото столько лет был в дипломатической миксе, говорил вежливо, но решительно, что делало невозможным найти рукоятку для опровержения.

Более того, Ян Цзымэй не был тем, кто умел хорошо говорить.

<http://tl.rulate.ru/book/40827/1248456>